

Shaun Walker

The Long Hangover: Putin's New Russia and the Ghosts of the Past

New York (NY): Oxford University Press, 2018

Книги, написанные журналистами, часто не оправдывают ожиданий. Журналисты могут оказаться гораздо ближе остальных к большим событиям истории, но не слишком ли близко? В большинстве случаев книга журналиста — это собрание историй и впечатлений, в которых очень много внимания уделяется отдельным личностям и недостаточно — тенденциям в обществе. Кроме того, корреспондент, работающий за границей, имеет привычку исходить из ложного представления, будто те три или четыре года, что он провел в той или иной стране, составляют для нее целую отдельную эпоху, а не просто отрезок времени, совпадающий с периодом его командировки.

Книги московских корреспондентов, освещавших СССР и Россию в эпоху Горбачева и раннего Ельцина (говорю об этом как журналист, который сам тогда работал в Москве), исполнены оптимизма, который сейчас, по прошествии времени, выглядит несколько наивно. Пожалуй, лучшей остается книга Дэ-

вида Ремника “Могилы Ленина”¹, поскольку ему, как своего рода Джону Риду наоборот, удалось передать ощущение истории, творящейся прямо у него на глазах. Другие работы, к счастью, забыты; уже из самого названия книги корреспондента The Guardian Мартина Уокера “Пробуждение великана” (The Waking Giant), опубликованной в 1987 году, видно, что автор не смог разобраться в происходящем.

“Долгое похмелье. Новая путинская Россия и призраки прошлого” Шона Уокера (также корреспондента The Guardian, но, насколько мне известно, не имеющего отношения к Мартину Уокеру) представляет собой счастливое исключение из общего правила. Прежде всего, Уокер — автор, у которого есть общая идея. Кроме того, он бесстрашный репортер, внимательный к мельчайшим деталям, и то, о чем он пишет, подкрепляет авторскую концепцию, а не просто позволяет вести повествование от первого лица в стиле “я там был”. Как и Ремника, Уокера интересует

¹ РЕМНИК Д. Могилы Ленина. Последние дни советской империи. М.: Corpus, 2017.

взаимосвязь российской истории и политики, в частности как в эпоху Путина “переизобретение” прошлого используется для выработки идеологии, которая, в свою очередь, служит обоснованием для сегодняшнего политического курса. Путин упоминается в подзаголовке, но, к счастью, это не книга о Путине.

Исходная мысль Уокера состоит в следующем: в отсутствие какой-либо другой идеи, способной объединить гибридный режим, в котором сосуществуют несовместимые друг с другом элементы российского прошлого, нынешняя российская власть избрала Победу над нацистской Германией в Великой Отечественной войне в качестве основополагающей идеи современного российского государства. Все остальное должно восприниматься в этом контексте.

Для академической литературы эта тема не нова. То, как менялся нарратив, касающийся Великой Отечественной войны, с 1945 года по настоящее время, описано в работах таких исследователей, как Иван Курилла² и Элизабет Вуд³.

Разница состоит в том, что в данном случае эту тему исследует журналист, который изъездил страну вдоль и поперек, стал непосредственным свидетелем нескольких наиболее важных событий последнего времени и преподносит ее широкому читателю с впечатляющим эффектом.

Начинается повествование в Москве. Даже после того, как в 1965 году 9 Мая стало официальным праздничным днем, поначалу этот праздник не был важным государственным событием. Уокер пишет: “В отличие от других советских праздников, День Победы был чем-то личным, глубоко затрагивающим миллионы семей, сохранивших неизгладимую память о годах войны” (Р. 22). Стремление

возродить личную память о войне уже в недавнее время нашло выражение в движении “Бессмертный полк” — инициативе, которую вскоре перехватило государство. (См. статью Ивана Куриллы в нынешнем номере *Контрапункта* — Прим. ред.)

Моя единственная претензия состоит в том, что основная идея в книге обсуждается не столь развернуто, как она того заслуживает. Уокер говорит о фильме Элема Климова “Иди и смотри”, который был снят с полки и выпущен в прокат в 1985 году, как о шедевре, описывающем ужасы войны; картина была показана в СССР в то время, когда цена победы воспринималась гораздо острее. Автор мог бы рассказать, что еще до фильма Климова в СССР была выпущена картина “Летят журавли” (1957), в финале которой явно звучал антивоенный мотив, а в путинскую эпоху на смену ему пришли банальные военные боевики. Постепенно боль исчезла и остались лишь громкие лозунги, славящие победу.

Затем Уокер отправляется в путь и проверяет свой тезис, путешествуя по самым разным местам бывшего Советского Союза. Он приезжает на Колыму, чтобы убедиться, что ужасы ГУЛАГа утратили прежнее значение даже здесь, в том месте, где они происходили. Он приезжает в Чечню и наблюдает политику принудительного исторического забвения, проводимую Рамзаном Кадыровым. Под запретом не только память о недавних событиях — движении за независимость в 1990-е, но даже коллективная травма, связанная со сталинской депортацией чеченцев в 1944 году.

Во второй части книги под этим же углом зрения излагается история украинского конфликта. Он предстает перед нами как “война исторических памятей”, в которой каждая из сторон ради того, чтобы демонизировать другую, присваивает себе мифы Второй мировой войны. (Уокер жестко критикует и ответную риторику украинской стороны, которая в своих худших проявлениях столь же лжива и в той же мере непримирима в отношении “чужих” версий, как и российская.) В книге представлен беспристрастный взгляд очевидца на захват Крыма Россией и начало конфликта в Донбассе. Картина получается не из приятных. Уокер не щадит никого, хотя

2 In: KURILLA I. *Search of National Unity or International Separation: WWII Era Textbook Narratives in Post-Soviet States* // PONARS Eurasia Policy Memo. 2012. May. № 203. Washington-Tartu. URL: <http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pepm203.pdf> (доступ 25.05.2018); Курилла И. *Перед судом — история: Вторая мировая война в европейской памяти XXI века* // Россия в глобальной политике. 2015. Сентябрь — октябрь. №5. С. 90–100. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Pered-sudom---istoriya-17746> (доступ 30.05.2018).

3 WOOD E. *Performing Memory: Vladimir Putin and the Celebration of WWII in Russia* // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2011. № 38. P. 172–200.

и отмечает временами некоторый абсурд происходящего. Россия — главный виновник произошедшего, но книгу будет нелегко читать и украинцам. Например, в книге рассказывается о крымских татарах и их тяжелой участи, и Уокер объясняет, как Москва в очередной раз нарушила их права, но вместе с тем он говорит и о том, что украинское государство в свое время тоже ничего не сделало для этих людей.

Уокер убедительно показывает связь между милитаристской трактовкой Великой Отечественной войны и агрессивной идеологией тех, кто создавал “Донецкую народную республику”. 9 мая 2014 года в Донецке Уокер наблюдает фантастический карнавал ненависти, в котором в грубой насильственной форме отражается пафос официальной риторики, связанной с Днем Победы:

“В здании [Донецкой администрации] на стенах были приклеены отскеренные фотографии Барака Обамы и украинских политиков с пририсованными гитлеровскими усиками. Группа мужчин, завернувшись в Георгиевский флаг, разъезжала по городу на автомобиле, распевая во все горло военные марши и размахивая огромным знаменем, на котором была изображена бойцовская фигура наподобие Рэмбо с лицом Сталина и написаны слова «Смерть фашистам». Среди тех, кто вышел на улицу, очень многие прикрепили к одежде георгиевскую ленточку, которая быстро стала полуофициальным символом донецкого сопротивления” (Р. 206).

Описание Донбасса производит особенно сильное впечатление. Оно заставляет вас по-настоящему ощутить атмосферу и даже запах и осознать травму местных жителей, наблюдающих, как их родину — еще несколько лет назад процветающий промышленный центр — постигли опустошение и разруха. “Сами заводы стояли покрытые копотью, непостижимо огромные и наводящие ужас. Металлургический комбинат «Азовсталь» в Мариуполе растянулся на километры вдоль берега моря и представлял собой картину грубого насилия, этакой индустриальной порнографии” (Р. 188).

Западные политики ведут ожесточенные споры о том, каков статус тех мужчин (и нескольких женщин), которые руководят двумя самопровозглашенными республиками в Восточной Украине — ДНР и ЛНР. Они просто-напросто ставленники России или все же пользуются поддержкой местного населения? Похоже, справедливо и то и другое. В лице Александра Ходаковского, одного из местных лидеров, с которым Уокеру удалось близко познакомиться и которого он описывает особенно подробно, мы видим представителя новой элиты. Ходаковский — самый что ни на есть уроженец Донбасса, который еще не так давно возглавлял одно из подразделений Службы безопасности Украины и обеспечивал правопорядок в Донецке во время чемпионата Европы по футболу в 2012 году. Он выражает реакцию местного населения, настроенного не только против нового руководства в Киеве, но и против коррумпированной региональной элиты Донецка времен Януковича.

Но среди руководителей ДНР и ЛНР попадаются и довольно безумные персонажи. “Здесь были чеченцы, казаки, анархисты, националисты, коммунисты, радикально настроенные православные, и все они были с оружием. Настоящее людское месиво” (Р. 211). Если читателю нужны доказательства того, что автор не какой-то там диванный аналитик, он найдет их в описании поездки Уокера вместе с журналисткой Мариной Ахмедовой к Игорю Безлеру, командиру народного ополчения, по прозвищу “Бес”. Интервью приняло неудачный оборот, и “Бес” стал угрожать журналистам; он объявил, что они что-то скрывают, и приказал своим людям обыскать их. Угрозы и запугивание продолжались минут десять, но затем Безлер все же пощадил Уокера и Ахмедову и велел им убраться вон.

Такие люди, как Безлер, относятся к целой категории “уполномоченных представителей” Кремля, главный из которых Рамзан Кадыров. Они воспринимают милитаристскую риторику нынешнего российского руководства самым буквальным образом и используют ее в качестве прикрытия для жестокой расправы с врагами и предателями. (Неизбежно задаешься вопросом, сколько внесудебных расправ, ответственность за которые возложена

на российское государство, дело рук этих людей, совершавших свои злодеяния, точно зная, что они останутся безнаказанными.) Это уже не постмодернистская имитация русского национализма в духе Владислава Суркова, а вполне серьезная вещь. Здесь уже не остается места путинским и лавровским выражениям сожаления, что мы теряем “братскую Украину”, — более мягкая, миролюбивая риторика советского образца осталась в про-

шлом. Согласно новой концепции, Украина — враг и она потеряна для России. Книга Уокера оставляет по себе яркое и сильное впечатление, заставляя читателя задуматься, куда все это привело Россию — есть ли у кого-нибудь из высших должностных лиц некий “План Б” или стратегия, которая может вывести страну из нынешнего состояния.

Томас де Ваал